

6

проза

Василий Аксёнов

РЫЖИЙ С ТОГО ДВОРА

*Посвящается
братьям Яковлевым,
Борису Майофису,
Славе Ульриху,
Сергею Холмскому,
Рустему Кутую,
Эрику Дibaю,
а также Рыжему с того двора*

Ловко или неловко я вошел тогда в ресторан – не знаю. Скорее всего, опять спасовал под взглядами завсегдатаев. Да-да, сейчас я вспоминаю: кажется, было короткое чувство позора. Это был привычный, маленький позор – следствие моей рассеянности. Почти всегда я забываю о правилах игры перед входом в этот ресторан и вхожу всегда не так, как мне подобает туда входить, не то что незаконно, но не в своей роли, и выгляжу нелепо, конечно.

Итак, опять я вошел в ресторан, думая о чем-то нересторанном, и только в середине Дубового зала, попав в переплет взглядов, засмутился, засуетился, желая быстрее где-нибудь приткнуться. Вдруг мне сразу повезло: освободился столик в углу, и я его занял, прикрыв таким образом правую часть своего тела.

Правая часть тела сразу погрузилась в бесконтрольное блаженство, а левая напряглась, уже вступая в игру, изображая небрежность, томность, усталость, иронию. Мне здесь полагалось выглядеть вот каким: лицо у меня должно быть изнуренное, а движе-

ния вялые, но значительные. Если я буду таким, кто-нибудь сочувственно спросит: «Что, старик, перебрал вчера?» – и на этом все успокоится: дело ясное и понятное каждому – перебрал вчера старичок. Если же я буду каким-нибудь иным, тогда обязательно спросят: чего такой мрачный? Вопрос этот неизбежен, если я буду каким-то другим, и неизбежна следующая прямо за этим вопросом короткая вспышка бешенства, впрочем, ничем не проявляемая внешне. Две минуты я посидел один, а потом подошел Юра Позументщиков.

– Чего такой мрачный? – спросил он, упираясь кулаками в мой столик.

Ярость тут же захлестнула меня, я моментально ее поборол, но сказал все-таки гадость.

– Что-то ты опять поправился, – сказал я Юре.

Он растерялся.

– Только что мне говорили, похудел, – пробормотал он.

– Поправился, поправился, – сказал я. – Просто не знаю, куда это тебя так прет.

Василий Аксёнов (1932) родился в Казани. Выдающийся русский писатель, один из властителей дум молодежи второй половины 20-го века. Казанские мотивы слышны в его знаменитых «Коллегах», «Звёздном билете», «Свяжске», «Желтке яйца», в недавно увидевшем свет романе «Москва-ква-ква». О родной Казани и его рассказ «Рыжий с того двора»

– А сам-то, – дрожащим голосом сказал Позументщиков. – Сам-то – поперек шире. Квадрат несчастный.

С деланным добродушием мы оба посмеялись, и он отошел.

Еще плотнее втершись в угол, выставив оттуда лишь безучастную ногу в крепком тупорылом ботинке, я в тысячный раз обводил взглядом высокие дубовые панели ресторана, скрипучую лестницу на антресоли, подпертую витым столбом, антресоли с кабинетами и отдельным балкончиком, с которого мне давно уже хотелось спрыгнуть.

Всегда полутемный, заполненный, точно газом, мутно-розовым светом, ресторан этот иной раз вызывал у меня невероятную апатию. Сейчас я будто лежал на дне, на боку, как подводная лодка, у которой сели аккумуляторы.

Все это вовсе не значит, что я какой-нибудь гуляка, не вылезавший из ресторана. Просто я здесь слишком часто бываю. Здесь я часто обедаю, меня знают и обслуживают весело и споро, и я обедаю деловито, быстро, а иной раз с товарищами, с тем же Позументщиковым, весело и быстро рассказываем разные новости. Но иной вот раз ведь бывает же так: войдешь в знакомое место, в знакомое общество, а место тебе вдруг покажется странным чертогом, а общество – скоплением чудищ оловянно-и медноглазых.

Давно уже шла вялая и мокрая зима, и мы, должно быть, все уже устали от нее.

Вдруг, непонятно почему, словно музыка заиграла, словно музыка моего уже очень далекого детства, и показалось, что сейчас с сумасшедшими весенними глазами в это капище влетит Рыжий с того двора.

Мы жили во время войны в Казани, на улице Карла Маркса, бывшей Большой Грузинской, напротив туберкулезного диспансера, бывшего губернаторского дворца, в большом деревянном доме, бывшем особняке инженера-промышленника Жеребцова. Наш двор, в котором еще сохранились жеребцовские ли-

пы, с одной стороны был обнесен забором, а с другой замыкался сараями-дровяниками.

Каждую военную весну липы, как ни странно, цвели, да так, что под их сенью можно было забыть о голодухе, об измученных взрослых родственниках, о тяжелой зиме.

Рыжий с того двора долгими часами сидел на какой-нибудь из этих лип, на суку, на большой высоте, воображая себя марсовым матросом с фрегата Дюмон-Дюрвиля.

Что касается меня, то я предпочитал крышу. С террасы господина Жеребцова, где подгнивший настил угрожающе прогибался под ногами, по резному столбу я взбирался на крышу и сидел там на коньке, воображая себя матросом Кука.

С крыши были отлично видны все многочисленные замысловатые флюгера туберкулезного диспансера, квадратные лоджии Дома специалистов, гранитные колонны Химико-технологического института, яркое пятно крошечного садика культурной старухи Евгении Олимпиевны на том дворе. Тот двор, откуда родом был Рыжий, напоминал запутанный, не до конца еще изученный архипелаг. С нашим двором он соединялся узким проходом между люфт-клозетом и мусорными ящиками. Там было несколько деревянных домов, два двухэтажных каменных дома, а в глубине высился добротный высокий дом: широкие окна в узорных рамах, медные решетки на балконах, многочисленные слуховые окна, мансарды, флюгера.

Проливы, заливы, тайные щели, сырые подвалы – вот что такое тот двор, откуда родом Рыжий.

Рыжий висел метрах в двадцати от меня, чуть повыше, в зелени лип.

– Эй, на баке! – иногда кричал он мне. – Эй, Пат! Читал «Мятеж на Эльсиноре»?

Единственным мальчиком, с которым у Рыжего были более или менее человеческие отношения, был я: мы обменивались книгами Джека Лондона. Остальные Рыжего терпеть не могли – он их терроризировал. К концу дня он

спускался со своей липы и устраивал в обоих дворах бесовские игрища, носился, как рыжий бешеный кот, а может быть, даже как рысь. При игре в «штандарт» мяч забрасывался на крышу; в «чику» – похищались монеты и забойный пятак; в «тринадцать палочек» – переламывалась доска; раскрученная за хвост, летела в девочек дохлая кошка. Одицавшие от долгого скитания в Полинезии матросы Дюмон-Дюрвиля...

– Катастрофическое падение какого бы то ни было интереса к искусству... Вы меня понимаете?

– Э?

– Вот посмотрите, идет негодяй.

– Кто?

– Вот этот, вы же знаете. (Негодяю – сухо: – Здравствуйте!) Милый мой, что же говорить – чудиче обло, озорно, стозевно и ...как там?

– Лай...

– Вот именно. Культура мышления, эмоциональная сфера... боржома?.. В Европе – унификация... будьте здоровы. Европа обожралась, извините за грубость, но это так, вы согласны?

– Да-да, вообще, знаете ли...

– А вот пошел достойный человек.

Здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте! Как дома? Привет вашим! Вы его знаете?

– Передайте огурчик...

– Конечно, он мастер, он краснодеревщик, а мне по душе плотницкая работа. Знаете, уже надоело, каждый ходит со своим стульчиком в стиле «бибабо». Согласны?

– Да-да, вообще, знаете ли...

Некто пухло-величественный, вроде бы знаменитость, вроде бы в сане, вроде бы сквозь наркозную маску, – в поисках официантки:

– Кто здесь подающая... грум-грумух-ха-ах... надежды? Дайте-ка книгу живота.

Имелось в виду меню.

Бешеные матросы Дюмон-Дюрвиля, рыжие коты, рыжие рыси носились по нашим дворам, взлетали на дровяники, со

свистом низвергались в подвалы, прыгали на деревья.

Аська Покровская играла в лапту. Славка и Сережка старались попасть в нее хоккейным мячиком, старались попасть помягче, чтобы Аське не было больно. Аська весело прыгала, наслаждаясь своей властью над мальчишками, воображая себя грациозной.

Рыжий с того двора набежал, вырвал у Славки мяч – дай-ка я ей врежу! – залепил Аське в щеку так, что она упала.

– Сталь засверкала в руке у Джона! – завизжал Рыжий с того двора и мгновенно испарился.

– Ты, кажется, повелся с этим Рыжим с того двора? – спросила меня тетя. – Вот погоди, попадете вместе в колонию для малолетних.

Я думал об Аське, стоя посреди опустевшего двора. Весенний закат сквозил в жеребцовских липах, предвещая будущую жизнь, по которой будет ходить эта Аська, – в далеком море, в Полинезии, толстоногая Аська в мантилье, с веером... Аська, – ничего не понять.

– Ты видел, как я Аське влепил? – спросил Рыжий подходя.

– Видел. Я бы и сам ей так влепил.

– Так это я влепил, а не ты, – сказал Рыжий с хитрой улыбкой. – Вот надо записку передать пострадавшей. Сделаешь, старина?

В записке было: «Аська, я тебе влепил, потому что нечего задирать ноги. Ты пионерка, и это тебе не к лицу, крошка Мэри. Завтра буду весь день в овраге, в парке ТПИ, вход с Подлужной. Если тебе больно, можешь мне вlepить там чем хочешь, даже кирпичом. Май 1744. Борт «Астролябии».

Рыжий, щурясь, с хитрой улыбкой смотрел на закат. В его будущей жизни тоже ходила толстоногая Аська.

Вдруг он дернулся, закрутился, напружинился. Улыбка сменилась хищным оскалом обороняющегося кота. В глубине двора перелезали через забор братья Яковлевы, Славка Ульрих, Сережка

Холмский и Борька Майофис. В руках у них были короткие деревянные мечи. Спрыгнув с забора, они побежали к нам.

– Петька! – кричали они мне. – Держи Рыжего! Хватай психа!

Рыжий поднял какую-то палку, а мне сунул кусок кирпича.

– Мы спина к спине у мачты, против тысячи вдвоем! – бешено крикнул он мне в лицо.

Нас окружили, и мы оборонялись, крутя над головами...

– ...А... интрадьюс ту ю май бест френд... присядем, пожалуй, здесь. Уот ду ю уонт?

– Плиз, плиз, плиз, плиз, плиз, силь ву пле!

– ...Кирпич и палку, кирпич и палку, кирпич и палку, черт возьми!

– ...Кавиар зернистый, паюсный и прочий, чикен-табака, водка?

Последовала серия контактов под общим названием «всемирно известная рашен стронг водка»; взаимопонимающие улыбки, подмигивания, афоризмы, пока с коротким хлюпаньем предмет обсуждения не был пропущен внутрь, олд де бест.

– Скажите, правда ли, что в озере Лох-Несс живет небезызвестный плезиозавр?

– Гур-р-р, чикен-табака, – но в то же время внимательные уши – к переводчику.

– Иес, ит ливз...

Тут же переводчик, май бест френд, выставив ушки – весь внимание, прошелся по косточкам, хр-р-р-р-р, кх-кх-пфу...

– Экскьюз ми, переведи, пожалуйста: я должен покинуть вас на несколько пустяковых минут.

В туалете возле бачка была нацарапана шутка: «Баранкин, молчи! 68 отделение милиции». Я знал автора шутки, но не стал думать о нем. Я плотно прикрыл дверь и прислонился к стене.

– ...Кирпич и палку, – Борька, Славка, Сережка и братья Яковлевы, умело, но осторожно фехтуя, брали нас в кольцо.

– И ты, Брут! – кричал мне Славка Ульрих, хотя ситуация была прямо про-

тивоположной той римской истории, на которую он намекал, и он-то уж явно не был Цезарем, и никто из них, а Цезарем, кажется, был ужасный Рыжий с того двора, которого я почему-то сейчас защищал, и защищал с сердцем, полным отваги, с сердцем, попавшим под власть блистательной демагогии: мы спина к спине у мачты.

Раз! – кто-то съездил мне по скуле. Раз! Раз – мечи обрушились на башку Рыжего.

– Отступаем на тот двор! – крикнул он.

Мы прорвали кольцо и бросились бежать.

Да, видимо, все ребята объединились в желании отомстить за Аську Покровскую: в проходе между клозетом и мусорными ящиками, выставив вперед мечи, стояла засада – Рустем Кутуй, Эрик Дибай и еще несколько человек.

Мы заматались и лишь в последний момент успели шмыгнуть в уборную и закрыть дверь.

– Все, Рыжий, мы пропали, – сказал я. – Сейчас они сорвут дверь.

– Не теряй надежды, товарищ, – быстро сказал Рыжий, вспышками зеленых глаз обследуя помещение, пробуя плечом дощатые стены. – Нас мало, но мы в тельняшках.

Сквозь щели двери была видна орда вооруженных ребят. Они не торопились. Они стояли, весело и зло гогоча над нами, попавшими в такую унижительную ловушку. На их стороне были все преимущества – численность, вооружение и, главное, правое дело, справедливость. Нечего даже вспоминать о том, что они нам кричали.

Потом Боря Майофис подошел к уборной и тихо заговорил:

– Ребята, сдавайтесь, у вас нет выхода. Петька, тебя мы отпустим, ты тут ни при чем, а Рыжий пусть извинится перед Аской – и на этом конец. Слышите? Эй! Что же вы молчите?

Мы молчали, не глядя друг на друга. Лакированный глаз Майофиса и его черная косая челка виднелись сквозь щель.

– Совещание! – наконец крикнул Рыжий. – Отойди, Борька, у нас совещание!

– Даем две минуты, – сказал Майофис.

– О капитуляции не может быть и речи, – горячечно забормотал Рыжий. – Верно? Сейчас мы им покажем, сейчас мы им продемонстрируем, как сражаются настоящие мужчины. Извиниться перед Аськой? Да она сама ко мне придет, а я еще посмотрю, брать ли ее в жены!

Он отодрал от внутренней стенки две доски и окунул их в очко.

– Открывай дверь! – заорал он. – Открывай дверь, и пусть они увидят, что отсюда выйдут мужчины, а не маменькины сынки!

Я распахнул дверь, и мы вышли, держа перед собой, словно лопаты, доски.

Мы прошли наискосок через весь двор, даже не глядя на своих противников, глядя куда-то в лазурные небеса, в малахитовые небеса, в морские лучезарные небеса, обещающие большую жизнь и Полинезию, и глядя еще иногда через плечо, на окно третьего этажа, в которое выставилась голубая и надутая Аська.

Остаток дня мы прохохотали за печкой, как домовые...

С антресолей зал напоминал закипающий суп, иногда гороховый, иногда лапшу. Это с первого взгляда, а потом уже различались распластанные чикен-табака, ошметки икры, знакомые лысины, залысины, пролысины, вице-лысины, контр-лысины, проборы левые, проборы правые, проректоры и ректоры, спортсмены, девицы, англо-саксонская семейка за моим столом и блаженствующий переводчик.

Я постоял немного на балкончике, с которого мне всегда хотелось прыгнуть, и стал спускаться.

...пока не вернулась с вечерней смены тетя, а после, сбегав во двор, кружили в темноте между липами, как летучие мыши, вернее, как гордые альбатросы Атлантики, а после, взобравшись

по водосточной трубе и пройдя по карнизу, по бомбрамрее, бросили Аське в форточку записку. И я, глупец, чувствовал, что это ночь нашей победы и тайны, и, переполненный восторгом, уже не отделял себя от Рыжего, да и сейчас я, глупец, вспоминаю эту ночь с прохладным шелестящим ветром, с гаснущими и разгорающимися звездами, как свою собственную ночь.

На следующий день я никак не мог доискаться Рыжего, пока не понял, что он в овраге на Подлужной.

Вновь я присел к своему столу, улыбками и кивками демонстрируя симпатии к растущему культурному обмену. Я ждал официантку, чтобы расплатиться и уйти, по тут как раз в зале появился Рыжий с того двора.

Он вошел спокойно и солидно и только лишь каким-то знакомым жестом вытер ладонью розовое с мороза лицо. Получился из него крупный мужчина с расправленными плечами, периферийный технический интеллигент, не отстающий от моды; кажется, даже преуспевающий был у него видок. Я не видел его девятнадцать лет, с того времени, когда он четырнадцатилетним пареньком уехал в Ригу, в Нахимовское училище. Да, ведь вот что – Нахимовское! Должно быть, он морской офицер и лишь иногда щеголяет в этом ладном модненьком костюме.

...Там, в овраге, в буйных зарослях папоротника, лопухов и куриной слепоты, гуляла парочка – голодранец Рыжий и Аська – генеральская дочь. Там за ними следили из-за бузины я, бесшумный, как Гайавата, и кое-кто еще. О, девочка и мальчик, вы не видите беды, а трое хулиганов с лихой Подлужной в кепках «Костя-капитан», с раздутыми щеками, лопающимися от кавалерийского жмыха, цыкающие желтой слюной, уже идут по вашим следам.

– Гы-гы, – реготали в кулак хулиганы, – сейчас устроим сабантуйчик, сейчас накрутим леди Гамильтон косички...

Я прыгнул сверху на одного из них, и сразу все покатило в желтой и зеленой пелене, в которой иногда возникал,

укрупняясь, набегающий Рыжий с сумасшедшим лицом, и все вертелось дальше, лиловый и желтый круг воспоминаний, лишь изредка прорываемый вспышками голубизны, в которых, в этих вспышках, бежали наши густой толпой, а потом «подлужные», а потом снова наши, и снова они, и Аська мелькала то ли в бантах, то ли просто в своих глазах, и сыпались тумачи, и вновь лилово-желтое застилало глаза, пока не улеглась пыль и не остановился этот бешеный бег возле трех странных сооружений на бревенчатых лафетах, возле трех катапульт системы Рыжего, установленных нами ночью над оврагом.

...Мой Рыжий – был ли это сон? – постепенно линял, от его флотской – или периферийной? – заносчивости не осталось уже ни следа, он мрачнел, озирался, стоя посреди зала, где не было ни одного свободного места и где, конечно, разговорное шевеление губ, улыбки, подмигивание и хохотание казались ему неким столичным таинством, исполненным глубокого смысла, а я сидел, вмазавшись в кресло, в страхе перед возможной ошибкой, а англосаксы уже встали, и стол очистился.

– Свободно, товарищ? – спросил сразу же подошедший Рыжий. – Мне нужно два места.

– Свободно, конечно. Только, извините, пока не убрано, – залепетал я, – но это очень быстро. Шурочка сейчас все наладит, вы не вол...

Он с удивлением смотрел на любезного гражданина.

– ...нуйтесь, я здесь свой человек. Шурочка? Сейчас все уберут и накроют, будьте спокойны, а почему два?

– Я жду...

– Даму?

– Вот именно. Даму.

Улыбка порхнула по рыжим пятнышкам.

«Господи, Аську, что ли?»

– Это прекрасно. Все прекрасно, товарищ. А я вам не помешаю?

– Да чего там, стол большой, – устало, словно отмахиваясь от меня, сказал Рыжий.

Дама появилась вскоре. Это была Аська, конечно, но от ее толстоножества и постоянной надутости не осталось и следа. Это была замечательная высокая тридцатилетняя, усталая, все понимающая, слегка ироничная дама. Короткие черные (вот странность!) волосы, нежная шея, тонкая рука с папиросой, спокойный взгляд – все было безыскусственно, естественно, прекрасно, но почему же так невероятно сквозь даму проглядывала наша милая кривляка Аська?

Рыжий встал ей навстречу с суровостью, свидетельствующей о сложности и драматичности их отношений, вытянулся во фрунт, офицерскими приемами – стул назад, стул вперед – усадил даму, а она чуть кивнула мне, чуть улыбнулась мне, как человеку «своего круга», она сразу разгадала во мне человека «своего круга» и уже совсем с другой улыбкой повернулась всем телом к Рыжему. Улыбка и поворот были такими, что всем сразу стало ясно, что тут к чему.

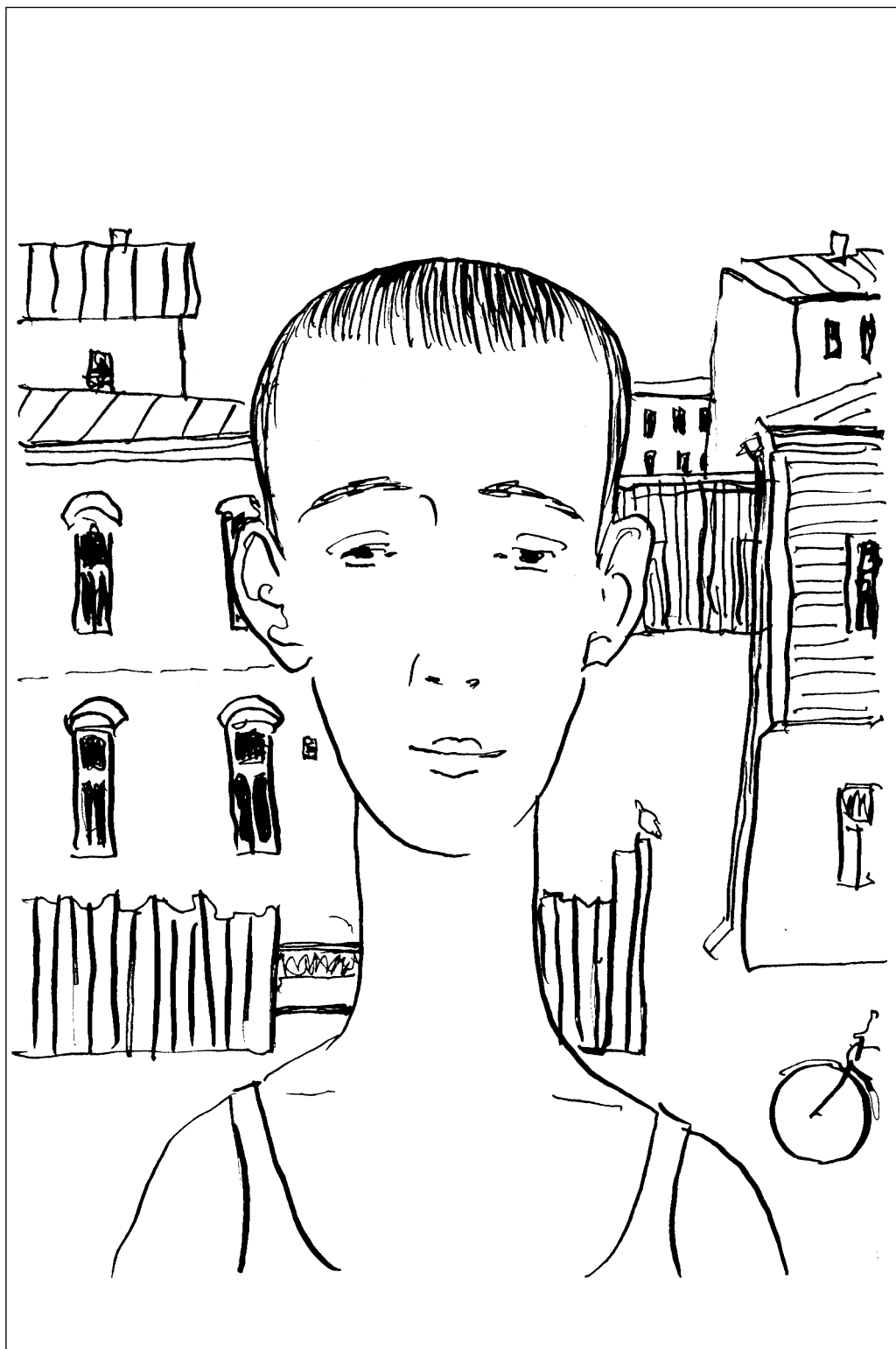
Они заговорили сразу быстро, приглушенно, Рыжий – сердито, Аська – досадливо, а я, уткнувшись в чашку кофе, украдкой взглядывал на них, и то мне хотелось погладить этих детей по головам, то вдруг я сам становился тем прежним голодранцем перед чужими взрослыми людьми.

Они замолчали, когда подошла Шурочка, потом сделали заказ, потом опять замолчали... Разлад, разлад, размолвка, драма, страдание – вот что было у них, я это чувствовал и понимал, что тянется это годами.

– Алло, товарищ, – вдруг обратился ко мне Рыжий, – правда, что здесь бывают сплошные знаменитости? Вот мне говорили, что в этом ресторане плюнешь – и в знаменитость попадешь.

– Да, бывают. Вам правильно говорили, – сказал я, а Аська опять улыбнулась мне, как человеку «своего круга».

– Ну где же они, товарищ? Покажите хоть одного. Надо же будет хоть чем-нибудь похвастать, – напористо куражился Рыжий.

– А вот, пожалуйста, посмотрите – возле колонны сидят Икс, Игрек и Зет. Это как раз знаменитости.

Все трое сделали мне «салютик», а Игрек привстал и поклонился Аське. Аська надменно ему кивнула.

– Ты знакома с ним? – быстро спросил Рыжий.

– Немного, – ответила она.

Икс улыбался овалом, Зет – полумесяцем, а Игрек, собака, улыбался кружочком.

– Может быть, вы тоже знаменитость? – спросил меня Рыжий.

– Нет, что вы, – испугался я.

– Ну-ну, не скромничайте, – улыбнулась Аська.

– А кто вы будете, товарищ, извините, а? – спросил Рыжий.

– Я художник, но не знаменитый. А вы кем стали, Рыжий?

– Что такое?! – заревел Рыжий. – Не хами, парень, а то...

– Успокойтесь, дорогой мой Рыжий с того двора! – воскликнул я. – Я знаю, кем вы стали. Вы стали конструктором страшных катапульта, при помощи которых Ганнибал разбил войска Наполеона и овладел городом Иерихон! А вы кем стали, Аська, генеральская дочь?

Они оба перегнулись через стол и напряженно уставились на меня, но взгляды их были невидящими, они были как буры, они стремительно уходили в прошлое, в то летнее утро, когда...

На краю оврага собралось все наше воинство – братья Яковлевы, Борька Майофис, Славка Ульрих, Рустем Кутуй, Эрик Дибай, Сережка Холмский и еще с десяток ребят, и Аська – Прекрасная Дама, и я, а Рыжий с того двора сказал:

– Это знаменитые катапульти, при помощи которых Ганнибал разбил войска Наполеона и овладел городом Иерихон, – и расхохотался.

А вокруг было: под чесночным соусом и томатным, под соусом тартар, под соусом ткемали и нашараби, с приправой из портулака и гурийской капусты, зимних помидорчиков и огурчиков, в купе с шампиньонами и жульенами из ди-

чи – вырезки, люля, шашлыки, осетрина, судак-орли и чикен-табака – под хруст розовых ассигнаций, под бульканье «твиши», «псоу», «гурджаани», под бульканье рашен стронг водка, с тостами, без тостов, с намеками и без намеков, с аппетитом и без аппетита – под оркестр.

Они все еще блуждали взглядами где-то в закоулках «того двора», аукались взглядами среди жеребцовских лип, ныряли во влажный сумрак оврагов парка ТПИ в куриную слепоту.

– Эй, на «Астролябии», суп есть? – крикнул я, соединив клич нашего детства и современную глупую шутку.

– Петька, – улыбнулся Рыжий. – Петька? – крикнул он. – Петька? – захотал он и дал мне через стол тумака.

– Бог ты мой, – сказала Аська и приложила ладони к щекам. – Петя, – нежно улыбнулась она мне, – вот уж никогда не думала, что художник Петр Н. – это наш Петя.

Началось: а помнишь, подожди, помнишь, как...

– Чемпионат по «махнушке»... как у тебя ноги-то? Штаб в дровянике, помнишь? Подождите, мальчики... ты, как всегда, через крышу... это когда организовалась тимуровская команда? Ну да... мне не нравилась утренняя физзарядка... ну, ты вообще... позвольте, товарищи, тимуровская команда – это тайное общество стремительных благодетелей, а Борька Майофис... да уж, а кто первый прыгнул с обрыва? Я, я, я... какая желтая там была вода, помнишь? А помните? Откуда тебе это знать? Наши заработки, чистим, блистим, лакируем, кто лучше всех выбивал дробь? Ты, ты, ты... мы пролезали в кино на «Леди Гамильтон», я всегда плакала в том месте, когда она старая... а пузырьки в аптеку? А те лягушки в заречных прудах... кто больше всего наловит лягушек? Я, ты, братья Яковлевы, мы их сдавали на кафедру физиологии, пятерка за штуку, а на Малой Сорочке – пшено в трофейной папке... эрзац-сахар на нитке принес Се-

режка Холмский, ему батя из Германии... ну, а катапульты?

Теперь доказано, что все войны, какие только ни были на земле, имели экономическую первопричину. Крестовые походы, как известно, были вызваны поисками новых торговых путей на Восток, и даже война, которую затеял некий сластолюбивый хан для того, чтобы захватить грузинскую царицу Тамар в свой гарем, тоже имела таинственную экономическую основу.

Так и наша война с Подлужной улицей внешне была борьбой за оскорбленную честь нашей Аськи, за право Аськи гулять с кавалерами по оврагам. Из опроса пленных было выяснено, что защищает Подлужная вовсе не овраги и не право бесконтрольного разбоя по оврагам, вовсе не право обижать девочек в голубых бантах, а защищает она конюшни кавалерийской школы, примыкавшей к парку. Потайной лаз в конюшни к неограниченным запасам кавалерийского жмыха, а также общение с блистательными кавалеристами, а также кони, красавцы кони, которых разрешалось иной раз поводить за узду, – вот что волновало ребят с Подлужной и вот почему в то утро мы увидели их плотно сомкнутые ряды на дне оврага.

– Ну, хорошо, давайте-ка, ребята, давайте, чтобы не расплакаться, бросьте, какой там ужас, девятнадцать лет, ну, прошли и прошли, а как бы ты хотела, милая моя, давайте выпьем, только уж без этого «со свиданьем», за встречу, так, хорошо пошло, Рыжий?

– Прошло, пролетело, – по-офицерски крикнул Рыжий и хитро прищурился на люстру. – А не подадут ли нам здесь ямайского рома с кайенским перцем?

– Шурочка, ямайского рома с кайенским перцем, – сказал я.

– Придется подождать, – сказала Шурочка. Рюмка увлажняющим, очень размягчающим образом подействовала на Аську.

– Вам хорошо, ребята, – сказала она,

– вам хорошо, в вашем лучшем мужском возрасте, а я... а я...

– Ты в лучшем своем возрасте, – сказал я, – и ты еще долго будешь в нем. Вот этот лучший твой возраст проглядывал еще и тогда, проглядывал в небесах, и только такая, как сейчас, ты смутно ожидалась...

– Это серьезно? – взволнованно спросила Аська.

– Ты это серьезно? – перегнулся через стол Рыжий.

– Кем же ты стал, Рыжий? – спросил я.

– Я? – В глазах его зажглись далекие фонарики. – Я строитель. Работаю в исполкоме в отделе строительства.

– Bravo, – сказал я, – ты занят созиданием. Дух разрушения уступил место духу созидания.

– Да, – сказал Рыжий, – мы претворяем в жизнь большие задачи по освоению Севера.

– Севера? – спросила Аська. Она отвернулась от нас, курила и смотрела в потолок.

Рыжий полоснул по ней огненно-творческим взглядом.

– Мы строим на нашем дальнем Севере города будущего. Пластиковые купола, под которыми будут бить фонтаны, щебетать птицы и...

– Хватит, – сказала Аська.

Рыжий ткнулся носом в тарелку и оттуда, из-за бифштекса, словно из засады, засверкал в меня глазами, заподмигивал.

– Никакой он не строитель, Петя, – сказала Аська, – ни из какого он не из исполкома.

– Я прекрасно знаю, кто ты, – сказал я и засмеялся. – Ведь ты же поступал в Нахимовское училище. Ты морской офицер.

– А пофантазировать разве нельзя? – сказал Рыжий, улыбаясь и выпрямляясь. – Конечно, я моряк. Командую одной... хм... гм... плаведицей.

– Буль-буль? – спросил я радостно и радостно рукой изобразил виляющую (почему же?) подводную лодку.

Рыжий покосился вправо, покосился

влево, потом утвердительно прикрыл глаза.

– Арктический патруль?! – воскликнул я. – Скоростные погружения?! Залпы из-под воды?!

– Спокойно, дружище, – снисходительно улыбался Рыжий. – Не так громко.

Он, посмеиваясь, сидел передо мной. Командир атомного ракетносца, скажу я Иксу, Игреку и Зету, когда они спросят, кто со мной. Командир атомного ракетносца сидит передо мной, и веско взбухшие вены видны на его веснушчатых руках.

Аська сощуренно и зло повернулась к нему.

– Зачем тебе это надо? – повысила она голос. – Зачем тебе это фанфаронство? Неужели ты не можешь без...

Рыжий выхватил платок и чихнул, заглушая ее последние слова.

– А где же наш ром с кайенским перцем? – крикнул он через платок и дальним от Аськи глазом мигнул из-за платка мне.

– А вот он, ромчик ваш, – сказала Шурочка, – Викторина вместо кайенского малапагского насыпала. Пришлось менять.

От рома мы запыхали сдержанным

желтым огнем и приблизились друг к другу, объединившись глазами.

– Я жонглер! – гордо сказал Рыжий.

– Вот это ближе к истине, – усмехнулась Аська, встала и протянула мне руку. – Пойдемте танцевать.

Я держал свою ладонь на ее нежной спине, и мы медленно танцевали. Она немного склонила голову и то смотрела на меня с теплой усмешкой, а то смотрела в сторону с теплой печалью. Икс, Игрек и Зет улыбались мне, как точкати-тире-точка-точка-тире и неожиданно запятая. Еда коченела перед ними, они совсем забыли о еде, увлекшись нашим танцем.

– Как это странно, – заговорила Аська, – художник Н. – это вы, это ты, Петя. Я слышала о ваших, твоих работах и даже кое-что видела у...

Рыжий, стоя возле нашего стола, жонглировал тарелками, стаканами, ложками и бутылками. Он смотрел на нас огромными глазами и еле шевелил расставленными пальцами, а над головой его висела звенящая арка из пролетающей в разных направлениях посуды.

– Я хотела бы зайти к тебе, – сказала Аська, и вдруг мне показалось, что здесь определяется какой-то вызов, какой-то решительный вызов судьбе. – Я хотела бы посмотреть твои работы.

Я подумал о том, как она сидела бы в моей мастерской, положив ногу на ногу, а подбородок на ладонь, а я стоял бы перед нею в своей дурацкой ермолке и вельветовой куртке, и это было бы в моей мастерской, в кругу любимых мной предметов, в кругу моей тихой жизни, о которой мало кто знал, и этот ее приход, это ее сидение в моей мастерской было бы как раз тем итогом, той точкой, к которой я, сам того не зная, стремился и...

Когда они приблизились, мы увидели, что в руках у них стальные прутья, то ли выломанные из ржавых кроватей, то ли выкованные кузнецами Дамаска, и мы увидели, что их вдвое больше, чем нас, и что наши катапульты и глиняные бомбы для них пустой звук, но холмы

были заняты, и карфагеняне стояли, подняв боевые значки, и матросы Дюмон-Дюрвиля стояли спина к спине у мачт, и Рыжий крикнул, косясь на девочек, маячивших в отдалении, на Ее Толстоножество в голубых бантах:

– Готовь орудия!

– Нет, – сказал я, – лучше не надо. Лучше не приходите, Аська. Лучше не приходите ко мне.

Два-три поворота с мелкими шагами, с ритмичными покачиваниями плеч и бедер под ту-ру-ру-ру саксофона, под бу-бу-бу контрабаса, и этого разговора как будто и не было, как будто и не было этого вызова судьбе.

Рыжий с жалкой улыбкой вытащил из-за пазухи красного петуха, вытащил изо рта полосу огня. Петух, вытянув шею, как глухарь, со свистом пролетел через ресторан прямо на кухню, а огненная полоса тянулась за ним реактивным выхлопом. Рыжий начал кланяться. Он кланялся и кланялся, но аплодисментов не было.

– Я несчастна с ним, Петя, – тихо сказала Аська и обмякла в моих руках.

Рыжий тогда с загоревшимся взглядом, с вылепленным жестким лицом упругими скачками взлетел по лестнице и появился на балкончике, с которого мне всегда хотелось спрыгнуть.

– Эй, едоки! – крикнул он. – Жирные вожди острова Туа-моту! Вы проводите в праздности ваши ленивые дни, и дары природы валяются к вам прямо в руки. Но я пришел сюда к вам, в ваше царство Лотоса, я пришел сюда, оставив за спиной тайфуны и ураганы, саванны, смерчи и торнадо, я – Рыжий с того двора, и я обменяю всю вашу еду, весь ваш остров на жалкую нитку бисера, на всего только одну маленькую ниточку из бездонных трюмов «Астролябии». Салют!

Он перелетел через барьерчик и спрыгнул вниз и, отскочив от пола, как от батута, перевернулся в воздухе.

– Петька, присоединяйся! – крикнул он мне, и я тут же оказался в воздухе и тоже перевернулся через себя прямо под потолком.

Мы долго прыгали, гогоча, отскакивая от пола, как от батута, кувыряясь, а потом гигантскими прыжками вылетели вон, делая по пути кульбиты, колеса, двойные и тройные сальто.

Потом мне рассказывали, что посетители ресторана были удивлены нашим странным поведением, но метрдотель Андрианыч сказал:

– Ничего странного не произошло. Мы были информированы заранее. Встречи друзей детства всегда кончаются таким образом.

